

вянства, не знает и того, что сам творит злодеяния, поднимаясь на защиту собратьев.

Положение за положением отвергает Достоевский тогда еще подпольную, «художественную» религию Толстого, и уже угадывается его голос, если бы вдруг речь зашла о проповеди толстовства с отрицанием Христа как Богочеловека и Церкви. Ведь и тогда уже он заканчивает августовский 1877 года «Дневник» словами, прямо обращенными к автору «Анны Карениной»:

«Этим ли закончил Левин свою эпопею? Его ли хочет выставить нам автор, как пример правдивого и честного человека? Такие люди, как автор “Анны Карениной” — суть учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики их. Чему же они нас учат?»

Итак, вызов был сделан, и Толстой, наверное, понимал, что не сможет устоять против критики Достоевского. Ответа, повторяю, не последовало, а ведь задета была идея всей его жизни.

Мы знаем, что, развивая свою идею, Толстой в гордыне своей дошел до пропасти: без достаточной богословской подготовки до нового перевода и соединения в одно четырех Евангелий, что, мягко говоря, могло быть только личным делом. Да и нельзя из пяти книг Моисея делать одну или из «Анны Карениной», «Воскресения» и «Войны и мира» — один роман. Все это — явления уже исторические. Однако Толстой решил — можно. Это и потому, что учеников Христа писатель вообще не признавал; не признавал и чудес, потому что Иисус Христос был для него только человеком, философом-моралистом, таким, скажем, как он сам, Лев Толстой. И понятно — зачем после этого Церковь?

Протестантизм, раскол, сектантство, являющиеся сутью толстовства, с давних пор процветали в российском обществе, и не столько в массе народной (здесь суеверие), сколько именно в правящем классе дворянства. Парадоксально, но именно дворянство и соблазнилось,

выступило в роли собственного могильщика, именно дворяне предали и монархию, и Православие, и Отечество. Это исторический урок. И тем более поучительна сегодня косвенная полемика Достоевского с Толстым.

Для Достоевского все вытекает из того, принимается ли Христос за Богочеловека, за Истину — отсюда дальнейшее движение; как и от осознания личного бессмертия.

Толстой отрицает Богочеловека; для Достоевского Христос — именно Господь во плоти. Толстой отрицает Православие; Достоевский воспринимает его как Божественное предначертание, родное и кровное. Толстой отрицает таинства и Церковь; Достоевский, как и все православные люди, считает, что Церковь — Тело Христово.

Достоевский воспринял сердцем идею Христа — и как свет понес ее в мир. Толстой же, воссоздав личную идею, решил воплотить ее и тем самым оплодотворить ею тоже весь мир. Но время показало, что идея Толстого — ложная идея. Толстой ратовал за непротивление, но призывал раскол, потрясения, под обломками которых обречены были погибнуть миллионы.

«Дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено. Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома».

«Мыслят устроить справедливо, но отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью» — читаешь сегодня эти слова Достоевского и поражаешься их пророческому звучанию. И невольно думаешь, насколько же велика должна быть ответственность пишущего за свое слово, даже если этот пишущий — Толстой, если слово вот так и через столетия материализуется, становясь или созидательным, или разрушительным.